

Қала мен дала арасында: жылқы шаруашылығын, көкпар және де басқа ат ойындарын жаңғырту нарративтері

Алима Бисенова

Аннотация: Соңғы жылдары Қазақстанда жылқы малының басы аса қарқынмен өсуде, үйірлеп жылқы өсіру және байлап бағу сияқты жылқы шаруашылығының түрлері белсенді дамып келеді. Біқылым заманнан бері жылқы шаруашылығы, әсіресе үйірлеп жылқы өсіру дала өмірінің, кеңістікті ұйымдастырудың айрықша еркшелігі болды және қоғамдағы иерархияны құру процестерін көрсетті. Сонымен бірге отырықшы өмір — қала — және көшпелі дала өмірі арасында шиеленіс пен комплементарлық аймағы әр уақытта болған, оның бейнесі — табындар тірі пассионарлық күш ретінде, байлық пен аумақты бақылаудың нышаны ретінде болған. Бұл мақала «пост-колониалдық және деколониалдық бұрылыстар» рухында жылқы шаруашылығын жандандыру нарративтеріне арналған. Ол жылқы шаруашылығының жандануын Кеңес Одағы ыдырағаннан кейін адамдарда пайда болған «деколониалдық опция» ретінде қарастырады. Көптеген ақпарат берушілер жылқы шаруашылығын ұлттық дәстүрмен байланыстырады және өздерін ата-баба дәстүрінің «жалғастырушылары» деп санайды. Алайда, бүгінгі жылқы шаруашылығы — бұл дәстүрді жаңа жағдайда қайта жаңғырту және қайта ойлап табу, бұл табындардың көлемінде де, өндіріс форматында да көрінеді: егер бұрын жылқы өзі құндылық болса, енді жылқы шаруашылығы қызметтері немесе өнімдері — жылқы еті, қымыз құндылық болып табылады. Дегенмен, бизнес түріндегі айқын мағынадан басқа, жылқы шаруашылығымен айналысу және көкпарға қатысу адамдарға дәстүр туралы риторика мен пікірталасқа қатысуға, сондай-ақ «дәстүрді сақтаушылары» сынды қосымша беделге ие болуға мүмкіндік береді.

Тірек сөздер: этнография, жылқы шаруашылығы, ат ойындары, дәстүр, жаңғырту, деколониалдық бетбұрыс, көкпар

Между городом и степью: нарративы и практики возрождения коневодства и конно-спортивных игр в Казахстане

Алима Бисенова¹

Аннотация: Последние годы в Казахстане высокими темпами растет популяция лошадей, динамично развиваются табунное и стойловое коневодство. С древних времен коневодство, особенно табунное, было отличительным свойством степной жизни, организации пространства и отражало процессы выстраивания иерархий в обществе. При этом всегда существовала зона конфликта и комплементарности между оседлой жизнью — городом — и кочевой степной жизнью, олицетворением которой были табуны как живая пассионарная сила, как символ богатства и контроля над территорией. Эта статья посвящена нарративам возрождения коневодства в духе «постколониального и деколониального поворотов». Она рассматривает возрождение коневодства как «деколониальную опцию», которая появилась у людей после развала Советского Союза. Многие информанты связывают коневодство с национальной традицией и считают себя «продолжателями» традиции предков. Однако сегодняшнее коневодство — это уже возрождение и переизобретение традиции в новых условиях, что находит отражение и в размерах табунов, и в форматах производства: если раньше конь был ценностью сам по себе, то теперь ценностью становятся услуги или продукты коневодства — конина, кумыс. Тем не менее, кроме очевидного смысла в виде бизнеса, занятие коневодством и участие в кокпаре позволяет людям участвовать в риторике и в дискуссии о традиции, а также иметь дополнительный авторитет «хранителей традиции».

Ключевые слова: этнография, коневодство, конно-спортивные игры, традиция, возрождение, изобретение традиции, деколониальный поворот, кокпар

¹ Ассоциативный профессор кафедры социологии и антропологии Назарбаев Университета

Between the city and the steppe: the narratives and practices of the revival of horse herding and equestrian games in Kazakhstan

*Alima Bissenova*¹

Abstract: In recent years, because of the developments in horse herding and horse farming, horse population in Kazakhstan has been rapidly growing. Since ancient times, horse breeding, especially horse herding, has been a distinctive feature of steppe life, the organization of space, and has reflected the processes of building hierarchies in society. At the same time, there has always been a zone of conflict and complementarity between sedentary life — the city — and nomadic steppe life, the embodiment of which were herds as a living passionate force, as a symbol of wealth and control over territory. This article is devoted to the narratives of the revival of horse breeding in the spirit of the «postcolonial and decolonial turns». It considers the revival of horse breeding as a «decolonial option» that appeared among people after the collapse of the Soviet Union. Many informants associate horse breeding with national tradition and consider themselves «continuers» of the tradition of their ancestors. However, today's horse breeding is already a revival and reinvention of tradition in new conditions, which is reflected in the size of herds and in production formats: if earlier a horse was a value in itself, now the value is the services or products of horse breeding — horse meat and kumys. Nevertheless, in addition to the obvious meaning in the form of business, horse breeding and participation in kokpar allows people to participate in the rhetoric and discussion of tradition, and also to have the additional authority of “keepers of tradition.”

Key words: *ethnography, horse herding and horse farming, equestrian sports and games, tradition, revival, invented tradition, decolonial turn*

¹ Associate Professor, Department of Sociology and Anthropology at Nazarbayev University

«Ты договариваешься с мирозданием». Фото автора.

В казахской историографии считается, что табунное коневодство было опорой кочевого хозяйства в Северной Евразии и в Центральной Азии со времен сакских/скифских кочевников. В скифских погребальных курганах ученые до сих пор находят останки многочисленных лошадей, похороненных вместе со своими хозяевами, чтобы продолжать служить им в загробном мире (Полосьмак 2007). Лошади и табунное коневодство также были важны в монгольский и в золотоордынский периоды. Как известно, именно массовость конницы, навыки выпаса и обращения с лошадьми в хозяйственных нуждах, а также наличие нескольких лошадей в походах, давали монголам преимущество над оседлыми народами, у которых верховая езда была занятием только военно-аристократического класса (Weatherford 2014).

В устном народном творчестве казахов лошадь упоминается как самый важный и благородный вид среди *четырёх видов* разводимых домашних животных (*төрт түлік мал*), который также включает коров, овец и коз. Лошади считались также одним из двух главных видов богатства кочевника. Вторым главным видом считались овцы. Отсюда и многочисленные пословицы и поговорки, связанные с коневодством и овцеводством, а также аналогии между поведением овцы, лошади и человека и в целом зооморфизм свойственный казахскому устному народному творчеству и поэзии. В этом плане можно обратить внимание на нежно-ласкательные имена для детей (*қозым, құлыным*), а также то, какие свойства животных могут приписываться и характеризоваться

«Человек с характером лошади». Фото Даулета Тынбаева.

вать человека. «Человек с характером лошади» (*жылқы мінезді адам*) считается «субъектом» — независимым человеком, твердо стоящим на ногах и имеющим собственное мнение. Кроме «человека с характером лошади» в казахском этосе также существует, «человек с характером овцы» (*қой мінезді адам*) — тоже хороший человек, который следует порядку установленному другими людьми у власти, и «джигит характером высокогорбого верблюда-самца» (*нар мінезді жігіт*), способный переносить тяготы военной и кочевой жизни. Интересно заметить, что казахский термин колония или колонизация также передается в овцеводческих терминах. «Отар» (*отара овец*) — колония, отарлау — колонизировать. Получается, что можно колонизировать, навязать что-то людям с характером овец, но нельзя колонизировать людей с характером лошадей или верблюдов. С такими людьми надо договариваться.

Веками богатство кочевников исчислялось количеством лошадей. В лошадях платили налоги Китаю и России, что отмечали как российские этнографы, так и российские власти, которые также измеряли имущество «влиятельных киргизов» в лошадях. Как пишет Чокан Валиханов в известном очерке «О состоянии Алтышара, или шести восточных городов китайской провинции *Нан-Лу* (Малой Бухарии) в 1858-

1859 годах», «в 1763 году по просьбе киргизского посольства богдыхан дал грамоту, позволяющую кочевать киргизам на местах, оставшихся путями после джунгаров, т.е. в степях между Балхашом и Джунгарским Алатау». За это казахи должны были платить налог — одну лошадь со ста лошадей (Валиханов, 2017:230). В это же время (в 18 веке) усиливается торговля казахских ханств с Циньской империей по принципу обмена шелка и чая на лошадей через рынки в Чугучаке (район Тарбагатая) и *Каишгаре* (район Или) (Chai, 2019). До начала двадцатого века, калым за невесту также измеряется в лошадях (Момыш-улы, 1980).

Значение лошадей для казахов как традиционной формы богатства, которым можно легко обмениваться или делиться с сородичами, часто не было понятно внешнему взгляду. Показательной с точки зрения непонимания мотиваций и стимулов казахов в занятии табунным коневодством можно назвать историю общения известного этнографа и со-основателя Русского императорского географического общества Алексея Левшина с владельцем 8000 лошадей. В книге Левшина «*Описание киргиз-казачьих или киргиз кайсацких, орд и степей*», владелец этого табуна, один из немногих собственно казахских «голосов» в повествовании, присутствует для иллюстрации аргумента о тщеславии киргиз. Левшин пишет, что 8000 лошадей не приносят хозяину никаких выгод, кроме тщеславия и даёт ему совет распродать табун и перевести часть богатства в деньги (серебро). На что владелец лошадей резонно отвечает: «на что мне деньги, их ведь никто не видит, а лошадей видят все» (Левшин, 1996: 327). Здесь кроме, что называется «визуальности» и красоты лошадей, на которое указывает бай, в его аргументации есть (скрытое от Левшина) рациональное зерно. Во-первых, лошади — это экологически адаптированная и социализированная форма богатства, которой, в отличие от денег, невозможно «не делиться», один человек или даже семья не управится с 8000 лошадьми. Во-вторых, зачем кочующему на дальние расстояния человеку (а для прокорма 8000 лошадей нужна большая территория и кочевать надо далеко) деньги? Деньги нужны и полезны в Оренбурге, где на них можно приобретать товары и услуги, но не в степи, где кочует бай. Если бай занимается коневодством в таких масштабах, любое нетранспортабельное имущество, не имеющее полезной функции, будет лишним грузом и лишней заботой.

К сожалению, Левшин и Валиханов были одними из последних наблюдателей, оставивших письменные «свидетельства» многотысячных табунов и их владельцев в казахской степи. С началом колонизации степи, раздолье для тысячных табунов прекратилось, а после советской коллективизации число лошадей, как отмечает Радик Те-

миргалиев, сократилось в одиннадцать раз: «Это был конец традиционной экономики, просуществовавшей три тысячелетия и, соответственно, сложившейся на ее основе традиционной культуры. Животноводство и в дальнейшем оставалось важной отраслью сельского хозяйства, но оно уже не было основой экономики. Казахи не только окончательно перестали быть кочевниками, но и в большинстве своем перестали быть скотоводами» (Темиргалиев, 2019: 26). На нужды Великой Отечественной войны — как тягловую силу, лошадей пришлось уже закупать в Монголии. В советское время власть была заинтересована в развитии и росте популяции крупного и мелкого рогатого скота, но не лошадей. В хрущевский период по всей стране, в том числе и в Казахстане, закрывались конезаводы, лошадиные пастбища переходили под другие сельскохозяйственные цели.

Однако традиции пасторального номадизма, и именно коневодства, стали возрождаться уже в постсоветском Казахстане в частных хозяйствах, в аулах (бывших колхозах и совхозах), которые после развала советской системы животноводства вынуждены были вернуться к некоторым «традиционным» формам хозяйствования и к образу жизни, практиковавшимся столетиями на аридной территории казахской степи и полупустыни. Например, в постсоветский период порода тонкорунных овец-мериносов, которых активно разводили в советское время, постепенно сменилась на «казахскую» мясную породу, с худшим качеством шерсти, но более адаптированную к местным условиям и соответственно не требующую больших трудовложений (McGuire, 2016). После распада Советского Союза к концу 1990-х в Казахстане резко упало поголовье мелкого и крупного рогатого скота. Начиная с 2000-х поголовье стало восстанавливаться, но до сих пор не достигло состояния 1990 года, 9,8 миллиона крупного рогатого скота, 36 миллионов овец и коз на 1990 год (Казах энциклопедиясы, 2005). В то же время поголовье лошадей в постсоветский период выросло до 3,7 миллионов в 2022 году, превысив показатели 1990 года более чем в три раза. Согласно сведениям бюро национальной статистики, самую большую популяцию лошадей имеет недавно созданная Абайская область (с центром в Семипалатинске) с 313 576 лошадей, затем Карагандинская с 302 176 лошадей, затем Актюбинская с 244 524 и Акмолинская с 237 347.

Драматическому росту популяции лошадей есть объяснение — традиционное табунное коневодство, на которое перешли уже частные семейные хозяйства в отсутствие организованных предприятий. Казахстан сегодня находится на седьмом месте по поголовью лошадей в мире — после Монголии, но впереди России (Исаев, 2019). После раз-

вала колхозов и совхозов, в кризисные времена, аульчане вернулись к традиционному табунному коневодству, потому что именно этот вид хозяйствования не требовал инвестиций в инфраструктуру — необходимы были только навыки выпаса, знания о местном ландшафте, и, собственно, сама земля как средство производства. В табунном коневодстве лошади пасутся косяками (жеребец пасёт свой косяк из 15-25 лошадей) под частичным присмотром хозяев. Лошадей разводят для получения кумыса и мяса — и первое и второе продукты, что называется, «внутреннего потребления», которое также связано с «традиционным» образом жизни — казахским гостеприимством, тоями, свадьбами и поминкам, на которых принято подавать бешбармак из конины. Получается, что так или иначе коневодство крепко связано с традиционализацией в других сферах — интенсивным ритуальным и даже «престижным потреблением» — так называемым «той-бизнесом», который развивается прежде всего в городах.

Присутствуя на многих ритуальных мероприятиях в Астане и в Акмолинской области автор отмечала, что на свадьбах и поминках конину принято выносить на большом *табаке* (блюде) и ставить в середину

Лошади, пасущиеся в пригороде Астаны. Фото автора.

Коневоды в поисках табуна после бурана. Фото автора.

стола «муше-мушелеп» — то есть большими кусками (*жілік*) таким образом, чтобы гости могли «узнать» какую часть тела они едят. Самые почетные гости получают части мяса (обязательно вместе с костью) вокруг позвоночника, тазобедренные части и печень. За каждым столом (обычно на 10-12 человек) находятся мужчина или женщина, которые берут на себя обязанности разделывания мяса для собравшихся уже на маленькие удобоваримые кусочки, но обычно никогда не нарезают изначальные куски и части до конца. Эти куски остаются на отдельной тарелке и потом их кладут в «пакет для дома» для каждого гостя, чтобы гостям не пришлось собирать кусочки с большого табака. Особенно это правило — оставить мясо гостям для дальнейшего употребления дома неукоснительно исполняется на поминках, где перед едой обычно читают Куран, и вся еда, что была на столе считается как бы «освященной». При таком интенсивном ритуальном потреблении пол туши 3-летней молодой кобылы может хватить на 120-150 человек, а целая кобыла может понадобится, чтобы накормить уже 250-300 человек.

Традиция и модерність

Тут можно сделать отступление и поговорить о том, что такое *традиция* и как мы привыкли ее понимать. Весь 20-ый век прошел для казахов под знаком противопоставления *модерности* и *традиции*. Чтобы попасть в модерність казахам нужно было преодолеть или уничтожить собственные традиции, перейти от кочевого образа жизни к

оседлому, забыть «байские» или «феодальные» привычки. Причем модерность в таком изводе часто была скорее всего европейской или советской, а традиция азиатской или казахской. Сегодня, когда идет возрождение некоторых традиций или форм традиционного знания (например, *шежире*), часто говорят и ретрадиционализации, которую иногда даже путают с архаизацией.

Надо отметить, что с точки зрения антропологии нет тысячелетних, архаичных, или каких-то «исконно-посконных» традиций. Традиция всегда исторична и это всегда адаптация к конкретным условиям. Казахская свадьба сегодня и казахская свадьба в начале 20 века — это, по своему ритуальному исполнению, — две разные свадьбы. В традиции или обычае, том, что по-казахски называется *әдет-ғұрып*, всегда важно исполнение или перформанс. Люди сами всегда сами делают выбор как исполнить ту или иную традицию — как провести свадьбу, как провести какой-то ритуал, где провести — в ресторане или дома, кого пригласить. То есть, когда мы говорим о традиции мы часто говорим так, как будто бы люди на автомате следуют каким-то предписаниям, но на самом деле это не так. В традициях существует огромная вариация и люди сами делают выбор. Есть огромная разница между риторикой традиции («*Ата-бабамыз жолы*»), и ее исполнением или наполнением сегодня.

Как показывает пример табунного коневодства, традиция или «традиционная форма» хозяйствования возродилась в момент кризиса советской системы животноводства и стала частью не только практик «выживания» через натуральное сельское хозяйство, но и предпринимательства. Для аульчан «номадизм» не был официальной идеологией, да и вряд ли они пытались как-то идеологизировать своё «новое» занятие коневодством. Тем не менее переход к частному табунному коневодству — это феномен *ретрадиционализации* одновременно как в сфере хозяйствования, так и в сфере потребления, и, возможно, даже спонтанный «*деколониальный выбор*» — то, что Мадина Тлостанова называет в своей недавно опубликованной книге «*деколониальный дизайн как путь выживания*» (Тлостанова, 2020:52).

Поскольку на коневодство и потребление продуктов коневодства сегодня тоже распространяются законы капитализма; коневодство производит «товары» на продажу — конину и кумыс. Как уже было отмечено, отрасль крепко завязана и даже «зациклена» на так называемом «традиционном» образе жизни и ритуальном потреблении. Циклы товарного коневодства совпадают с традиционными циклами — забота лошадей зимой и продажи кумыса летом. То есть, ситуация с коневодством в Казахстане достаточно уникальная. Это, можно ска-

зять, «культурная» экономика, которая сегодня существует не только в сельской местности, но и в городе. Мало мест на земле, где ещё такое осталось. У Казахстана в этом плане есть конкурентное преимущество. Интересно, что коневодство сегодня сильно зависит от потребления конины и кумыса именно горожанами. Практики подготовки мяса на зиму (поиска подходящей конины) стали в том числе и городскими «культурными» практиками, а летом вокруг городов появляются кумысные фермы.

Через конину и *соғым*, поддерживаются родственные и кросскультурные связи между городом и аулом. Городские семьи, переехавшие в город, обычно продолжают закупать *соғым* на своей «малой родине».

И в советский, и в постсоветский период табунное коневодство государство сверху не модернизировало, не пыталось сделать «эффективным». В целом, эта отрасль, как основанная на традиционных экстенсивных технологиях животноводства, сложно поддается модернизации — механизации и автоматизации. Можно автоматизировать какие-то процессы, к примеру, доение. Но это не даёт большого эффекта.

Переизобретение традиции

Вернемся к коневодству. На примере коневодства хорошо видно, что традиция — это воображаемый континуум. Мы думаем или воображаем, что «продолжаем традицию», но на самом деле мы традицию изменили, адаптировали, или как говорят антропологи *«переизобрели»*. Коневодство в начале 20 века и коневодство сейчас — это не один и тот же тип хозяйствования. Хотя люди, которые занимаются коневодством, будут говорить Вам и гордиться тем, что они «продолжают традицию» — *«Ата кәсібіміз, ата-бабаларымыз осылай жылқы баққан»*. На самом же деле казахи сегодня вернулись к коневодству, но они не вернулись к кочеванию и это тоже представляет проблему.

Одной из главных проблем сегодняшнего коневодства, как сказал автору заведующий отделом коневодства Казахского научно-исследовательского института животноводства и кормоводства Даурен Сыдыков — это *«привязанность коневодства к городам»*, где коневодство с одной стороны, имеет рынок сбыта, а с другой стороны сталкивается с нехваткой пастбищ¹. Например, в Акмолинской и Карагандинской областях большинство табунов находится в радиусе 100 км от Астаны и Караганды. В то же время, в Казахстане не осваивается примерно половина из 180 миллионов гектаров пастбищ и сенокосов.

1 Интервью с автором 30 декабря 2023 г.

Массовый жаппай кекпар в Туркестанской области. Фото автора.

Из-за того, что в коневодстве сложно достигнуть больших промышленных масштабов, особенно сегодня, когда земельный вопрос стоит так остро, отрасль прирастает именно малыми и средними хозяйствами. В современном казахстанском постиндустриальном и постцелинном ландшафте восьми или десяти тысячным стадам, про которые писали Левшин и Валиханов, пастись уже негде. Как сказал в интервью автору Даурен Сыдыков, на сегодня в каждой области есть не более пяти хозяйств с более 1000 лошадей¹. Оптимальное, с точки зрения бизнеса хозяйство сегодня в климатической зоне Сарыарки — табун в 350 лошадей, из которых 300 конематок, 25 жеребцов, 25 «ремонтный молодняк», который восполняет потери. Воспроизводство такого табуна каждый год составит где-то 250 лошадей, большая часть которых потом идет на продажу.

Вблизи городов, отмечает Даурен Садыков, коневодством занимаются бизнесмены нового поколения, пришедшие в коневодство, чтобы сделать его «успешным» (в отличие от более «традиционных» коневодов, которые родом из аула и никогда не уезжали из сельской местности)². Они хотят сделать процессы коневодства такими же контролируемыми и управляемыми как в других животноводческих отраслях, в то время как исторически и традиционно управление стадами происходило скорее по экстенсивным технологиям без постоянного контроля над процессами. В то же время в коневодстве (именно в табунном коневодстве) постоянный и полный контроль невозможен. Как сказал один бизнесмен в интервью автору, в этой отрасли «ты договариваешь-

1 Там же

2 Там же

ся с мирозданием»¹. Без опоры на подножный корм, а значит и зависимость от природных стихий (засух, джута, буранов и прочих природных невзгод), табунное коневодство теряет свою рентабельность.

Даурен Сыдыков считает, что для постепенного и успешного бизнеса в коневодстве, нужно понять и принять как его «традиционность», так и его *сезонность*.

Кумыс — весной, летом, осенью, забой — обычно зимой. Большинство потребителей продуктов коневодства ценят именно эту сезонность, экологичность и «традиционную экономику». Например, можно производить и сейчас производят кумыс зимой, но в это время года люди его неохотно берут. Потому что люди хотят пить кумыс кобыл, которые паслись на хорошей живой траве. Также вызывают вопросы консервация и стандартизация хранения кумыса. Для молочных продуктов КРС, например, вопросы консервации, хранения и сезонности уже не так важны. Может, только особые знатоки хотят именно свежее молоко или «*майдың майы*» (майское масло), а, в целом, городские жители в этом плане непривередливы. Они, в отличие от потребителей коневодства, не прослеживают все циклы производства продукта и не ожидают его особой продукта. Те же, кто покупают конину и кумыс обычно интересуются нюансами и циклами производства продукта, который они берут. На какой траве паслась кобыла, как долго настаивался и мешался кумыс, если покупают кумыс? Сколько лет лошади, чем ее откармливали, если покупают конину?

В то же время несмотря на связь с традиционностью и ожидания некой традиционности от продуктов коневодства, то, что люди считают традицией сегодня, не обязательно было традицией в прошлом, культурное возрождение или переизобретение традиции — это всегда адаптация к современным реалиям. Эрик Хобсбаум писал, что *традиции изобретаются и внедряются акторами в целях укрепления институтов* (Hobsbawm 1983). Как показывает опыт возрождения продуктивного коневодства в Казахстане, обычаи и традиции, включая традиции производства конины и кумыса могут появляться и устанавливаться согласно запросам рынка и массового потребления. Одной из таких «переизобретенных» рынком традиций стала практика пить «парное молоко» из-под кобылы, которая особенно распространилась во время пандемии. Свежее кобылье молоко сегодня принято называть *саумал*. Однако многие мои информанты-коневоды старшего возраста отмечали, что в их детстве саумалом считался совершенно другой

1 Интервью с автором 18 декабря 2023 г.

напиток — слабоферментированный кумыс, а свежее кобылье молоко называлось по-другому — просто «кобылье молоко» (*биенің сүті*)¹.

Подобная трансформация также произошла с жиром на ребрах, по которому оценивается качество *соғыма* — лошади, которую забивают на зиму. Как говорят коневоды, традиционно желтый жир (*сары май*) считался признаком хорошей конины, которая паслась на богатом травяном покрове. Однако в какой-то момент распространяется понятие, что белый жир — чище, лучше и принадлежит молодому животному, что чаще всего не соответствует действительности. Белый жир (*ақ май*) скорее указывает на то, что животное последние месяцы жизни стояло на откорме ячменем или другими кормами.

Возрождение конно-спортивных игр

Одновременно с возрождением товарного коневодства, и в городах, и в сельской местности растет интерес к конно-спортивным играм. Благодаря той же ритуальной экономике возрождаются традиционные казахские скачки без седла (*жайдақ*) на лошадях разного возраста «*тай жарыс*» (скачки на жеребятках-однолетках), «*құнан жарыс*» (скачки на двухлетках) и «*аламан бәйге*» (забег на 16 или 20 км на взрослых лошадях от 4-5 лет). Интересно отметить, что в казахской байге на данный момент доминируют чистокровные верховые английские скакуны, которые с точки зрения казахского пасторального хозяйства бесполезны. В 90-х их начали покупать и разводить бизнесмены, которые занимались гладкими скачками европейского типа. То есть, в казахской традиционной байге сегодня, в том числе и в сельской местности, могут участвовать и доминировать виды спортивных лошадей, которые никак не связаны с традиционным коневодством. Чистокровные лошади и жеребята могут пастись на жайлау летом, но не выдерживают зимы и межсезонья.

В отличие от *бәйге*, *көкпар* на сегодняшний день является «побочным» спортом и даже спортивным бизнесом именно продуктивного товарного коневодства. Жеребцов для *көкпара* (в *көкпаре* играют только жеребцы) надо тренировать особым образом: выезжать, учить *көкпарским* трюкам, чтобы лошади не пугались туши козла, чтобы они могли идти в гущу событий. Часто этим занимаются сами коневоды, поскольку навыки, приобретенные в *көкпаре*, помогают им дальше в занятии коневодством — выпасе, объезде и управлении лошадьми. *Көкпар* пользуется успехом именно как маскулинная игра,

¹ Интервью автора с коневодом и тренером *көкпара* Ергали Токабаевым 1 сентября 2022 г.

Көкпар в Акмолинской области. Фото Дулата Барланова.

которая требует силы бедра (*тақым*), которым держат тушу, и силы руки (*білек*) которой тушу поднимают с земли, а также гибкости тела. Жеребцы, играющие в көкпар, должны быть сильными и мускулистыми. Часто их потом можно заново использовать в табунном коневодстве как вожakov косяков, поскольку көкпар также учит навыкам «борьбы за территорию». Так что в этом плане көкпар — игра как вытекающая из занятия коневодством, так и обратно поддерживающая коневодство. Больше всего көкпар сегодня процветает в частной ритуальной экономике, где после значимых для сообщества событий (асов и тоев) проводится *жаппай көкпар* или *аламан көкпар* (почти) без правил. Правила оговаривают организаторы. Предполагается, что это индивидуальная игра и все могут участвовать в таком көкпаре. Однако, игроки также часто разбиваются на неформальные команды, помогая кому-то одному поднять и донести көкпар до круга. Такие көкпары сопутствуют поминальным обедам, суннат тоям и другим празднествам. Иногда к таким большим событиям приурочивается и командный көкпар. Например, автор была свидетелем и организатором одного такого неформального командного көкпара, который прошел в 2022 году в ауле Кабанбай Батыра Акмолинской области и был приурочен к приезду Шейха Султана, известного ханафитского суфийского лидера, практикующего дыхательный зикр, из Пакистана.

Игры кочевников в Астане

Командный кёкпар, правила для которого были разработаны совсем недавно и постоянно совершенствуются, государство поддерживает через спонсирование юниорских и взрослых областных команд, а также через поддержку тренеров. Проводятся ежегодные чемпионаты республики по командному кёкпару где выдаются звания мастера спорта, также проводятся у областные чемпионаты, которые организуют уже областные федерации национальных видов спорта. Многие сельские округа также поддерживают свои местные команды. На международном уровне кёкпар сегодня — один из самых популярных видов состязаний на «Играх кочевников», которые были инициированы правительством Кыргызской Республики в 2012 году и с тех пор проводятся каждые два года. Последний раз Игры Кочевников проходили в 2022 году в Турции, а в этом году прошли в Астане.

5-ые Всемирные игры кочевников, которые недавно прошли в Астане, продемонстрировали как происходит «модернизация традиции» в конно-спортивных видах спорта и какие проблемы при этом могут возникать. Дисциплина командного кёкпара в «Играх кочевников» — это тоже недавнее изобретение, призванное упорядочить и поднять кёкпар до уровня профессионального спорта. Правила командного кёкпара (сколько игроков может быть на поле одновременно, какой вес должен быть у кёкпара, как можно и как нельзя атаковать противника верхом), время и регламент постоянно совершенствуется.

5-ые Всемирные игры кочевников. Фото автора

После национальных чемпионатов тренеры собираются и пересматривают существующие правила и регламент. Одним из курьезных моментов чемпионата в Астане было присутствие в соревнованиях двух дисциплин по сути одной игры — казахстанского көкпара и кыргызстанского көкбөрі. Оказалось, что в развитии или, лучше сказать, «переизобретении» көкпара как командной дисциплины Казахстан и Кыргызстан пошли немного разным путем. Кыргызстану удалось внести көкбөрі в список нематериального наследия UNESCO и отстоять одно из главных правил аутентичного көкпара — играть настоящим козлом, в казахстанском же көкпаре сошлись на том, что официальные чемпионаты должны проходить с муляжом. Другим отличием считается наличие *қазандыка* — большого казана, в который забрасывают козла в Кыргызстане, и просто *мәре* — круга на земле в Казахстанской версии көкпара.

Считается, что забрасывание козла в казан намного более зрелищно, хотя и, возможно, более травмоопасно для лошадей и людей, потому что зрители видят, что происходит с козлом — залетел ли он внутрь казандыка или не залетел, тогда как в круге на земле, когда происходит борьба людей и лошадей — очень сложно рассмотреть, что случилось с «козлом» — оказался ли он «в круге» или нет...

В любом случае, кыргызстанский командный көкбөрі пользовался и пользуется наибольшей популярностью у зрителей, собирая многотысячные стадионы. В Казахстане же более популярен частный жаппай көкпар, который сопровождает ритуалы. Для таких көкпаров всегда делают *бата* (благословение) и забивают настоящего козла, которого потом уносит и съедает победившая команда.

В интервью автора с главным тренером по көкпару Акмолинской области во время «Игр кочевников» в Астане, он выразил мнение, что игра с настоящим козлом и более аутентична по духу — *«этот козел энергетически заряжен, за него борятся»* — и одновременно менее травмоопасна, потому что туша козла намного гибче чем муляж, который как говорят игроки, «как бревно»: *«не зря же наши предки придумали играть с тушей козла — не барана, не теленка, не волка»*. (https://youtu.be/2IfVmGU_iHo?si=CKWBtIFP15g3Q-b)

Заключение: город и степь на «Играх кочевников»

Пятые всемирные игры кочевников стали первыми играми, которые проходили в Казахстане, и первыми играми, которые проходили в городском пространстве. В Кыргызстане игры проходили в долине озера Иссык-Куль, а в Турции — на берегу озера Изник, в провинции Бурса. И в Кыргызстане, и в Турции игры проходили «на природе», вдали от

мегаполисов, что соответствовало традиционному духу игр, которые обычно проходили «на природе». Однако, в Астане организаторам игр удалось синтезировать стремление к модерности и к развитию с духом традиции. Игры проходили на новых стадионах Астаны на Левом Берегу, а основные конно-спортивные игры проходили на ипподроме, расположенном на южном краю города, куда выходят основные городские проспекты Туран и Кабанбай Батыр — что облегчило доставку зрителей и участников городским транспортом. Там же расположился и этноаул, где проходила основная культурная программа. Все пространство этноаула и ипподрома было пешеходным, а за порядком следила конная полиция. Как отмечали многолетние наблюдатели игр — эти Игры кочевников стали самыми «современными» в плане организации — с точки зрения транспорта, оснащения спортивных объектов и размещения участников. С трибун ипподрома, наблюдая за игрой, можно было видеть небоскребы города, купола и минареты новой Центральной мечети Астаны, одной из так называемых «мега-мечетей», которые считаются архитектурной гордостью города. Однако, возможно самое главное достижение игр, — это новая дискуссия в обществе о «переизобретении» традиции с точки зрения бизнеса, с точки зрения зрелищности традиционного спорта и этнотуризма.

Список источников и литературы:

Chai, Xiaojun. «Silk and Horses: Trade and Tribute between the Qing Dynasty and the Kazakh Khanate». *BAF-Online: Proceedings of the Berner Altorientalisches Forum*, 3, 2019

Валиханов, Чокан. Страна шести городов. *Дневник путешествия на Иссык-Куль*. Москва: Издательство «Э», 2017
— Valikhanov, Chokan. *Strana shesti gorodov. Dnevnik puteshestviya na Issyk-Kul'*. Moskva: Izdatel'stvo «E», 2017

Жантыкеев, Рысбек. «В казахской лошади сохранилась дикая кровь. Интервью с заведующим отделом коневодства ТОО «КазНИИЖиК» Дауреном Сыдыковым. «*Казахстанская Правда*», 13 февраля, 2023
— Zhantykeyev, Rysbek. «V kazakhskoy loshadi sokhranilas' dikaya krov'». Interv'yuu s zaveduyushchim otdelom konevodstva TOO «KazNIIZhiK» Daurenoom Sydykovym. «*Kazakhstanskaya Pravda*», 13 fevralya, 2023

Животноводство. Казахстан. *Национальная Энциклопедия. Т. II.* Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 2005

— Zhivotnovodstvo. Kazakhstan. *Natsional'naya Entsiklopediya. T. II.* Almaty: Kazak, entsiklopediyasy, 2005

Hobsbawm E. J. & Ranger T. O. 1983. The invention of tradition. *Cambridge University Press.*

Исаев, Алан. «Казахстан по поголовью лошадей занимает 7-е место в мире», *Экспресс-К, 9 декабря, 2019*

— Isayev, Alan. "Kazakhstan po pogolov'yu loshadey zanimayet 7-ye mesto v mire", *Ekspress-K, 9 dekabrya, 2019*

Левшин, Алексей. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. *Алматы: «Санат», 1996.*

— Levshin, Aleksey. Opisanije kirgiz-kazach'ikh, ili kirgiz-kaysatskikh, ord i stepey. *Almaty: "Sanat", 1996.*

McGuire, Gabriel. «By Coin or By Kine: Barter and Pastoral Production in Kazakhstan», *Ethnos. 81:1, 2016. С. 53-74.*

— Момыш-улы, Баурджан. Наша Семья. История одной ночи. Рассказы. *Алма-Ата: Жазушы, 1980*

Momysh-uly, Baurdzhan. Nasha Sem'ya. Istoriya odnoy nochi. *Rassказы. Alma-Ata: Zhazushy, 1980*

— Полосьмак, Наталья. Ак-Алаха 2 — памятник раннескифского времени Горного Алтая. Ранний железный век Евразии. *Киев-Чигирин: Изд-во ИА Укр. АН, 2007. С. 117–120.*

— Polos'mak, Natal'ya. Ak-Alakha 2 — pamyatnik ranneskifskogo vremeni Gornogo Altaya Ranniy zheleznyy vek Yevrazii. *Kiyev-Chigirin: Izd-vo IA Ukr. AN, 2007. S. 117–120.*

Темиргалиев, Радик. Традиционная экономика и ее наследие. *Астана: Институт Мировой Экономики и Политики при Фонде Первого Президента, 2019.*

— Temirgaliyev, Radik. Traditsionnaya ekonomika i yeye naslediye. *Astana: Institut Mirovoy Ekonomiki i Politiki pri Fonde Pervogo Prezidenta, 2019.*

Глостанова, Мадина. Деколониальность бытия, знания и ощущения (сборник статей). *Алматы: Центр Современной Культуры «Целинный», 2020.*

— Tlostanova, Madina. Dekolonial'nost' bytiya, znaniya i oshchushcheniya (sbornik statey). *Almaty: Tsentr Sovremennoy Kul'tury "Tselinnyy", 2020.*

Weatherferd, Jack. 2004. Genghis Khan and the Making of the Modern World. *Crown Publishers: New York*